

«Здесь ему было не житье», —

вспоминают о ссыльном поэте Иосифе Бродском в северной деревне Норинская

Виктор ФИЛИППОВ, «Известия»

Автор этих фотоснимков — поэт Иосиф Бродский. Летом 1965 года он сфотографировал избу, в которой жил в ссылке в деревне Норинская Архангельской области.

Годом ранее молодого ленинградского поэта арестовали и судили по обвинению в тунеядстве. Несмотря на заступничество самых видных деятелей культуры, приговор был беспощаден: ссылка и принудительные работы. На крыльце избы Иосиф Бродский запечатлел ее хозяйку — Таисью Ивановну Пестереву. Ей уже 76 лет, но своего постояльца она помнит. Уж очень странный для северной деревни был человек: и стихи пишет, и к труду крестьянскому совсем не приспособлен.

Деревенское житье поэта

Это сейчас Норинская — три пенсионера да автолавка раз в неделю. А в шестидесятые годы деревня считалась большой: 58 изб, почта, магазин. Здесь было отделение совхоза «Даниловский».

— Иосифа Александровича привел ко мне в апреле 65-го директор совхоза Русаков, — вспоминает Таисья Ивановна. — Вот тебе, говорит, постоялец. Ты его не обижай, из города все ж, да стихами занимается. Может, и про нас книжку напишет.

Избу, куда поселили поэта, срубили в прошлом веке прадед Таисьи Ивановны. С тех пор ее не перестраивали. Поэтом в комнате, где жил Бродский, только диван и стол. Комната маленькая — четыре шага на пять. Стены обшиты широкими досками. Пол — из грубых еловых плах. В окно видны кусочки главной деревенской улицы, избы напротив, за ними — луг и дальше — темная полоска леса.

— В деревне хорошо к Иосифу относились, он простодушный такой, — рассказывает Таисья Ивановна. — Послал его бригадир жердя для огорожи секти. Топор ему навострили. А он секти-то не умеет — задыхается, и все ладони в волдырях. Дак бригадир Лазарев Борис Игнатьевич стал Иосифа на легкую работу ставить. Вот зерно лопатил на гумне со старухами, телят пас, дак в малину усядется я, пока не наестся, не вылезет из малины. А телята разбрелись. Он бегом за ними.

Кричу ему: не бегай бегом, растрясешь малину-то, я сейчас железной поколочу, и телята вернутся все!

Таисья Ивановна улыбается, вспоминая забавные, с точки зрения крестьянки, эпизоды из жизни своего городского постояльца. Как он в баню париться ходил с ольховым веником вместо березового. Как учился воду из колодца доставать. Как принес из лесу черемуху да березку и посадил под окнами у дома...

И вдруг, погасив улыбку, вздыхает:

— Тяжело у нас Иосифу было. Он хоть и не жаловался, а видно — он здесь не жилец. Богу молился. У него иконка висела — прислали ему из Ленинграда. А в Норинской была часовня, дак после революции закрыли.

Стихи в коммунистической газете

4 сентября 1965 года коношская районная газета «Призыв» напечатала стихотворение Иосифа Бродского «Осеннее». От Норинской до поселка Коноша рейсовый автобус идет полчаса. А тридцать лет назад не было ни автобуса, ни асфальтовой дороги. Два десятка верст Бродский преодолел где пешком, где в кузове попутного грузовика.

Газету «Призыв» издавал районный комитет коммунистической партии Советского Союза. Редактором в 1965 году была С.И.Еремина. Теперь Серафиме Ивановне без малого восемьдесят лет, а она ходит на лыжах, крепка память и жизненной позиции.

— В то время партия вела борьбу с тунеядцами, выселяла тех, кто не желает трудиться, в тяжелые условия на Север, — строго разъясняет она. — И я считала, что это правильно: кто не работает, тот не ест. И Бродский был для меня одним из сосланных на перевоспитание.

— Скажите, Серафима Ивановна: а почему в таком случае стихи «тунеядца» напечатала коммунистическая газета? Вы не знали, что их автор — ссыльный?

— Когда в августе 65-го Бродский пришел ко мне с просьбой опубликовать стихи, то сразу предупредил, что он — ссыльный из Норинской, — продолжает С.И.Еремина. — Да это было ясно с одного взгляда. Одет, как

местные мужики, но слишком интеллигентен. Мне понравилось «Осеннее». Это такое безобидное стихотворение, оно не против советской власти и ни за что не агитирует. Просто человек, который делает совсем не то, что хотел бы, и делает через силу, излил свою душу. Мне стало жалко Бродского. Конечно, за эту публикацию у меня могли быть неприятности в райкоме партии. Но никто из секретарей райкома не отругал. Может, не заметили.

«Осеннее» напечатано в самом низу четвертой страницы, в разделе «Из редакционной почты», среди традиционных писем трудящихся о недостатках в сфере коммунального хозяйства и услуг. Вот это стихотворение:

*Скрип телег тем сильней,
Чем больше вокруг теней,
Сильней, чем дальше они
От колючей стерни.
Из колеи в колею
Дерут они глотку свою
Тем громче, чем дальше луг,
Чем гуще листва вокруг.
Вершина голой ольхи
И желтых берез верхи
Видят, уняв озноб,
Как смотрит связанный сноп
В чистый небесный свод.
Опять коряга, и вот
Дерева слышат не птиц,
А скрип деревянных спиц
И громкую брань возниц.*

И. БРОДСКИЙ.

За это стихотворение ссыльному поэту выписали в редакции «Призыва» гонорар — два рубля с мелочью.

Разъездной фотограф

В Коноше у 72-летнего пенсионера, живущего на третьем этаже заурядной «хрущевки», хранится фотопортрет молодого Иосифа Бродского с надписью: «30 мая 1966 г. Где и когда, милый Володя, будем мы еще есть омаров? His Jozerph». Пенсионера зовут Владимир Михайлович Черномордик. Он познакомился со ссыльным поэтом в районной библиотеке летом 1965 года.

— Я немного знал о судьбе Бродского и пригласил его к себе в хибару на Комсомольской улице есть помидоры, — рассказывает Владимир Михайлович. — Мы почитали друг другу свои стихи. Я понял, что он настоящий поэт и что я должен сделать все возможное, чтобы он не дал в Норинской дуба. С его большим сердцем тяжелая крестьянская работа была смертельно опасной.

Бродскому было 25 лет. Черномордик на шестнадцать лет старше. Он уже успел повоевать в Великую Отечественную, окончить юридический факультет Одесского универси-

тета, отбыть два года тюрьмы и два года ссылки в Коноше за сомнительный, как было записано в определении суда, образ жизни.

— Власти хотели строить коммунизм, а я не хотел, — поясняет Владимир Михайлович. — Вот и все мои сомнения.

Поселок Коношу основали спецпереселенцы. Это было преддверие ГУЛАГа: еще не эски, но уже не свободные граждане. К середине шестидесятых почти каждый житель Коноши был либо бывшим ссыльным, либо потомком ссыльных. Битые жизнью люди открыто властям не перечили, но при всяком удобном случае помогали тем, кого власти преследуют.

По этой, видимо, причине один приятель Черномордика — врач районной больницы Эрих Андрэ, тоже из ссыльных, оформил Бродскому справку о плохом здоровье. А другой приятель — начальник районного комбината бытового обслуживания Николай Милютин — принял Бродского на работу в качестве разъездного фотографа.

Бродский и Черномордик встречались еще несколько раз в Коноше и Норинской, а когда поэта освободили — в Ленинграде. Там Бродский и подарил коношскому приятелю свой фотопортрет с шутилой надписью, которая напомнила обоим, как мечта-

ли они в северной деревне о другой жизни, где есть свобода, красивые женщины, богатые города, а в ресторанах подают омаров.

Тогда же, летом 65-го, разъездной фотограф поэт Иосиф Бродский сделал снимок избы в Норинской для Таисьи Ивановны Пестеревой. Денег с нее за работу не взял.

На свободу под конвоем

В том же году, в сентябре, приехали в Норинскую за поэтом два милиционера.

— Иду со скотного двора, — вспоминает Таисья Ивановна, — а оне Иосифа ведут. Кричу: отпустите, он же ничего плохого не сделал! Молчат. Я Иосифу говорю: картошку-то мне пособлял садить, кто выкопать-то поможет? Он смеется: вернись и помогу. Да не вернулся. Шуба евонная осталась да и валенки. А его увезли.

Под давлением мирового общественного мнения власти были вынуждены выпустить Иосифа Бродского из ссылки, но через несколько лет выслали из страны. Если судить по воспоминаниям, которые я привел в этом репортаже, то жилось поэту в Норинской вроде бы и неплохо. Но таково спасительное свойство человеческой памяти: чем дальше от нас прошлое, тем меньше видится в нем зла. А сам поэт прислал из Ленинграда Владимиру Михайловичу Черномордику письмо, в котором так отозвался о ссылке: «Пусть памятью нам будет прах Коноши». Всемирное признание Иосифа Александровича Бродского и Нобелевская премия не смогли заглушить постоянную сердечную боль. Он перенес три инфаркта и тяжелейшую операцию на сердце и умер, не дожив до 56 лет. Это закономерное следствие той несправедливости, которую творили по отношению к поэту власти на его Родине.

В конце шестидесятых Таисья Ивановна Пестерева тоже получила из Ленинграда письмо. А в нем — крестик на цепочке. Долго сама носила. Теперь сын Саша носит. Наказала ему: «Умру, дак положи Иосифов подарок со мной в домовину».

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ.